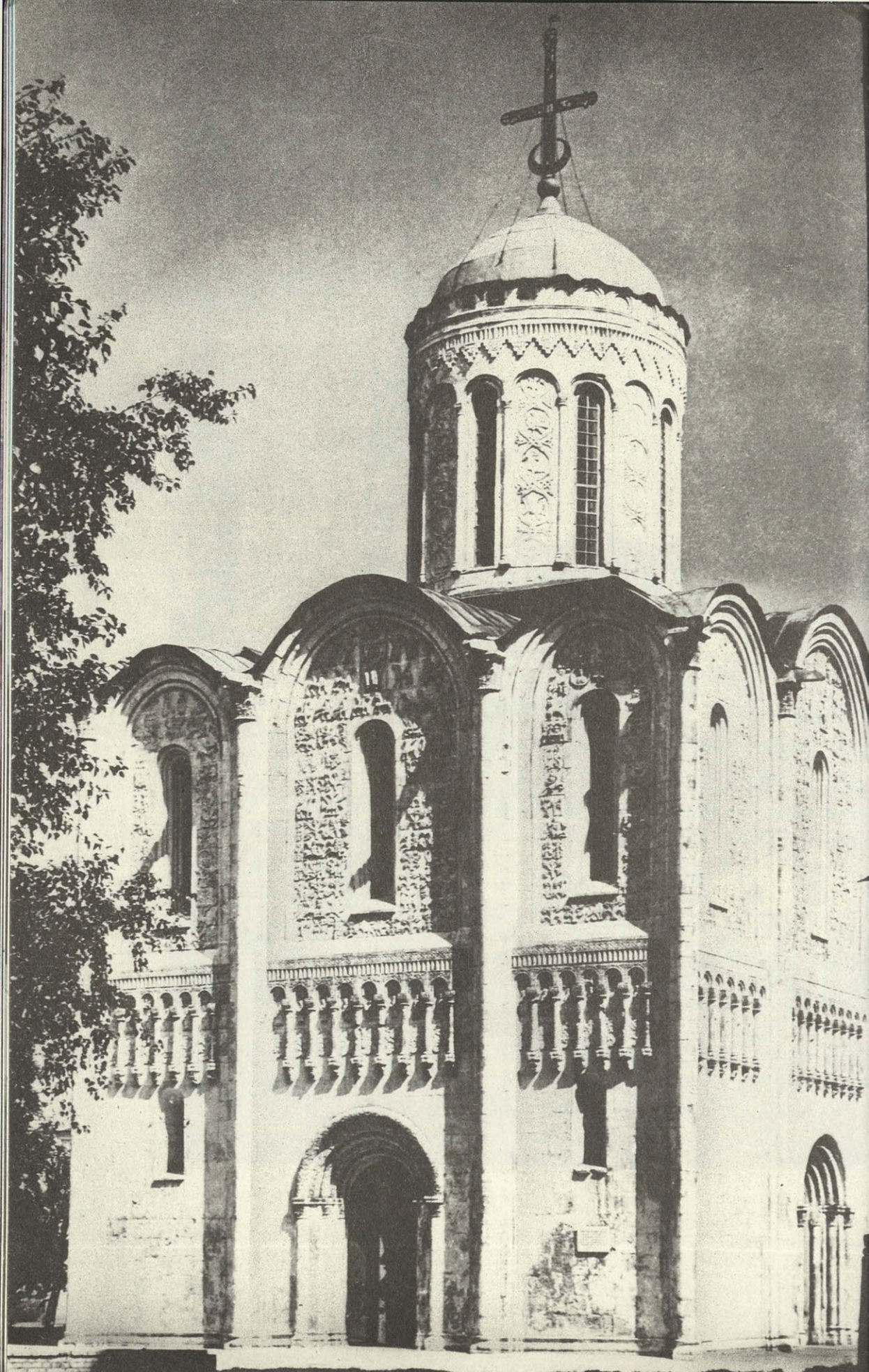


А. Г. Рочегов,
академик Академии художеств СССР
и Академии архитектуры Франции,
заслуженный архитектор РСФСР,
председатель правления
Союза архитекторов Российской Федерации

Летопись мира

Прошел год, как наша страна присоединилась к Конвенции мира ЮНЕСКО, принятой еще в 1972 году,— об охране всемирного культурного и природного наследия. Высокая цель этого международного соглашения — сплотить народы и страны в деле сохранения ценностей, имеющих общечеловеческое значение.

В настоящее время готовится перечень памятников нашей страны, который будет предложен в список всемирного наследия. Представленные в нем исторические, художественные, археологические, природные ценности, несомненно, окажутся предварены творениями архитектуры. Бессмертные творения зодчества идут через века, они концентрируют в себе выражение национального творческого гения и потому живут в восприятии все новых и новых поколений. Таковы, к примеру, София киевская, ансамбль Московского Кремля, мавзолеи и медресе Самарканда и Бухары, храмы Армении и Грузии... Их известность давно пересекла государственные границы. Им и многим другим славным творениям зодчества народов нашей страны — честь и место в перечне сокровищ всемирного культурного наследия.

В древности мир восхищали семь чудес света: египетские пирамиды, «висячие сады» Семирамиды в Вавилоне, статуя Зевса в Олимпии, Колосс Родосский, храм Артемиды в Эфесе, Геликарнасский мавзолей и маяк в Александрии. За исключением нетленных пирамид время их не пощадило. Но с тех пор представление о мировых шедеврах значительно расширилось. Уже сейчас список ЮНЕСКО насчитывает их 288 из 102 государств мира. Несомненно, памятники нашей страны еще более расширят границы всемирного наследия, принимаемого на охрану ЮНЕСКО,— сегодняшних «чудес света».

С просьбой прокомментировать это важное событие нашей культурной жизни редакция альманаха обратилась к известному советскому зодчему — академику Академии художеств СССР и Академии архитектуры Франции, заслуженному архитектору РСФСР, председателю правления Союза архитекторов Российской Федерации А. Г. Рочегову. В беседе принял участие и главный архитектор старинного русского города Гусь-Хрустальный В. А. Джигкаев.

— Александр Григорьевич, как вы, глава творческого союза российских архитекторов, расцениваете присоединение Советского Союза к Конвенции ЮНЕСКО по охране всемирного культурного и природного наследия?

К такому событию, как присоединение к Конвенции по охране культурного наследия, отношение может быть только одно — чувство высокого удовлетворения. Тем более что в наш век, когда памятникам культуры угрожают опасности самого различного характера, международная их охрана становится настоятельной необходимостью, должна быть подтверждена интересами цивилизации, волей всего человечества. Не только войны, а мы знаем, что это такое, пережили тяжкую и страшную войну, но и невежество, вандализм, административное бескультурье, отсутствие средств на реставрацию и консервацию, недостаток технических и производственных возможностей — все это может оказаться непреодолимо силами какой-то страны и потребует именно международной поддержки и внимания. Примеры тому уже есть. Это — меры, принятые по спасению афинского акрополя и дворцов Венеции, храмового комплекса Абу-Симбел в Египте и храма Боробудур на острове Ява. Особенно запечатлелась в памяти международная акция по спасению исторических мест и памятников Намибии. Благородная деятельность, начатая ЮНЕСКО в шестидесятые годы, позволила сохранить для грядущих поколений обширный ряд прекраснейших образцов древних цивилизаций.

Дмитровский собор во Владимире. XII в. Наружный вид

Главное же, что я вижу в задачах Конвенции,— это сохранение культурной самобытности государств, присоединившихся к международному соглашению, то есть того национального наследия, которое создано творческим гением того или иного народа. В связи с этим включение во всемирный список памятников нашего Отечества — дело непростое. Как определить, с чего начать составление такого рода перечня — ведь множество достопримечательностей страны просятся в этот

почетный реестр. По примеру того, как некогда Василий Иванович Баженов в своей речи на закладке Кремлевского дворца перечислил те первейшие творения древнего зодчества в Москве, которые более всего отвечали его представлению о национальном творческом таланте,— колокольню Новодевичьего монастыря и церковь Успения на Покровке, церковь Ивана Воина и Архангельский собор, Сухареву башню и здание Арсенала в Кремле,— подобно этому перечню, намеченному славным зодчим, и мы теперь должны составить свой перечень памятников, отвечающих требованиям, что называется, первого ряда общемировой культуры.

Суздаль. Покровский собор XVI в. Покровского монастыря

— Как видится вам самый процесс составления списка, чье слово должно прозвучать наиболее авторитетно?

— Здесь требуются не просто предложения со стороны общественности, хотя эти предложения могут заслуживать всяческого к себе внимания, как выражение патриотического образа мыслей наших людей, но в основу работы должны лечь тщательно взвешенные рекомендации профессионалов, посвятивших свою жизнь изучению древнерусской, классической и советской архитектуры. За ними — решающее слово. В составлении предполагаемых рекомендаций от Российского союза архитекторов могли бы принять участие такие специалисты, как Иван Борисович Пуришев, отдавший много лет изучению памятников Переславля-Залесского, как Святослав Леонидович Агафонов, буквально возвративший стране знаменитый Нижегородский кремль, как Олег Игоревич Журин, реставратор московских памятников, как Вадим Михайлович Киберев, знаток культурного наследия Русского Севера, как Игорь Александрович Столетов, по крупицам воссоздающий художественный облик древней Владимирской земли, как архитекторы Владимир Яковлевич Либсон и Лев Артурович Давид, сохранившие и отреставрировавшие не один из примечательных отечественных памятников, как Михаил Петрович Кудрявцев, Геннадий Яковлевич Мокеев, Александр Борисович Тренин — исследователи русского градостроительного искусства.

Именно такие люди, мастера своего дела, теоретики и практики, должны назвать памятники России, которые будут включены в список всемирного наследия. Пока еще наш Союз архитекторов не подключился к рассмотрению этого вопроса, вся работа впереди. Тем более что ко всему богатству памятников России нельзя подходить с меркой — отметить только круг ценностей, принадлежащих только русской культуре. Россия — это федерация народов, оставивших свой самобытный, глубокий след в ее истории. Нельзя не учесть, например, яркого наследия Татарии, древнюю культуру Бурятии, своеобразное зодчество

Дагестана, аланские памятники Северного Кавказа. А Сибирь, Дальний Восток? Так что вопрос непростой: с чем наша многонациональная Россия войдет в международную сокровищницу?

— Известно, что русская литература, музыкальная культура в ее первейших образцах широко известны в других странах, стали явлением всемирно-исторического масштаба. А как русская архитектура — знают ли за рубежом ее выдающиеся творения?

— Отвечу на ваш вопрос достаточно известным примером. В свое время Гектор Берлиоз, создатель вдохновенных романтических ораторий, человек высоких порывов души, не мог сдержать слезы восторга перед шатровой церковью Вознесения в Коломенском. Книгу можно прочитать, язык выучить, а творение зодчего надо увидеть воочию, чтобы самому ощутить его красоту, гармонию, единство с местом, где оно стоит, с природным окружением. И никакая фотография, никакой литературный увраж, чертежи, обмеры не дадут того представления, которое приносит непосредственное зрительное, эмоциональное общение с творением зодчего. Можно тысячу раз увидеть на фотоснимках церковь Покрова на Нерли. Но как ее ни фотографируй, как ни описывай, хоть в стихах, хоть в прозе, как ни зарисовывай — живого восприятия ничто не заменит. А и в самом деле, как передать, как пересказать это согласие камня с простором неба, полей, лугов, эту тишину самопогружения в гармонию форм, словно в рублевской «Троице», где все говорит о доверии к человеку, к миру, природе? Как передать, пересказать узорочье куполов Василия Блаженного, торжественную мощь Успенского собора в Кремле, живых, словно от руки лепленных, старых церквушек во Пскове или поступь колоннады Камероновой аллеи в Царском Селе — стройной и легкой, как ритмы пушкинского стиха?

Но я увлекся, а и в самом деле одно перечисление, одни только образы великих творений зодчества, встающих перед глазами, вызывают в нас радость. Да, нынче непросто поехать в другую страну, чтобы увидеть, скажем, Нотр-Дам в Париже или храм Неба в Пекине и даже купол мавзолея Гур-Эмир в Самарканде, деревянный храм в Кижах. Потому и проложены туристские дороги между странами и городами. И благодаря им можно увидеть многое — обогатить себя ценностями столь же великими, как и великие книги. Потому за рубежом чтут наши Кижи и Московский Кремль, Троице-Сергиеву лавру, Успенский собор во Владимире, памятники древнего Киева. За ними за всеми — пласты тысячелетней культуры, художественный гений самобытной культуры, и это не может не вызывать уважения во всем цивилизованном мире. Специалисты-архитекторы, естественно, знают более других выдающиеся архитектурные произведения разных стран. Но если уж следовать предложенной вами аналогии с литературой, то и русскую литературу более знают специалисты. Но все-таки мне довелось побывать в разных странах, и скажу вам — пока еще представления зарубежной общественности о нашей архитектуре довольно скудны и общи. И все же времена меняются — наступает пора открытий: мы открываем, нас открывают.

— Не могли бы вы конкретизировать свои соображения примерами из деятельности руководимого вами творческого союза?

— Самый простой и вместе весьма значительный пример нам подают архитекторы-реставраторы. Ведь, по существу, эта отрасль архитектурной теории и практики стала развиваться в советское время. Основателем ее по праву можно считать Петра Дмитриевича Барановского. Ныне она сформировалась, окрепла, принесла немало выдающихся открытий и творческих достижений.

В нашем союзе плодотворно работает секция градостроительного наследия, которой руководит заслуженный архитектор РСФСР И. Б. Пуришев.

Владимир. Успенский собор XVI в. Княгинина монастыря

Мы с полным основанием можем говорить теперь о дальнейшем развитии советского реставрационного дела, о школах реставрации — московской, ленинградской, владимирской, новгородской, псковской. В каждой — свои обретения, свои счастливые находки, удачи и, как результат, возрождение новых и новых памятников старины. Взять хотя бы владимирскую экспериментальную научно-реставрационную мастерскую. Свыше сорока отреставрированных памятников подарили нам ее проектанты и производственники. Более того, владимирцы первыми в стране занялись вопросами комплексной регенерации исторических центров старых русских городов, не на словах, а на деле показали, как можно восста-

новить сегодня их исторический облик. Одновременно с реставрацией старинных построек здесь возрождаются ремесла. Так, реставрационная мастерская открыла раннее искусство декоративной архитектурной керамики, и сейчас во Владимире делаются копии подлинных образцов допетровского времени. Разве все это не открытия? Мы сами, архитекторы, только-только познаем такого рода открытия, а как же они будут интересны для специалистов из других стран! Я убежден, что на сегодняшний день мы сами еще очень мало знаем о своем историко-культурном и архитектурном наследии: годы застоя и здесь сыграли свою тяжкую роль. Взять хотя бы старинные помещичьи усадьбы, эти удивительные сокровищницы русской культуры XVIII—XIX вв., где все прекрасно — их архитектура, интерьеры, природа, парки.

— Могу подтвердить ваши мысли интересным примером, Александр Григорьевич. Я, например, несколько лет слежу, как происходит возрождение некогда знаменитой и пышной усадьбы конца XVIII — начала XIX в. Гребнево, что в Щелковском районе Московской области. Это подлинная жемчужина Подмосковья. В ее создании принимали участие такие известные русские зодчие, как И. и Д. Жилярди, А. Воронихин, Н. Дерюгин, М. Быковский. Использование усадьбы — новый поворот в практике приспособления памятников старины к современной жизни: в усадьбе разместится историко-культурный центр района — так решил арендатор, научно-производственное объединение «Платан».

Мавзолей Тадж-Махал в Агре. Индия. Наружный вид. С картины В.В.Верещагина

Мавзолей Тадж-Махал в Агре. Внутренний вид

— Как интересно! А ведь я не знаю эту усадьбу. Я, архитектор, что же говорить о других? Видите, как актуально стоит вопрос, каждый новый памятник, попадающий в поле зрения реставраторов, несет в себе плодотворнейшие открытия, которые должны стать всеобщим достоянием. Но как это сделать? У нас, в Российском союзе, возникла идея: издать книгу именно об открытиях реставраторов последних лет, назвать ее условно, скажем, «Возрожденные шедевры». Такое издание будет откровением не только для российского читателя, но и за рубежом, тем более что интерес к нашей культуре повсеместно возрастает. Нашу идею горячо поддержал академик Б. А. Рыбаков, он согласился написать вступление. Конечно же, такую книгу-альбом хочется видеть изданной на высоком полиграфическом уровне. Быть может, какой-то зарубежный спонсор, как нынче говорят, проявит интерес к выпуску издания, мы от такого участия не откажемся. Не останется внакладе и наш возможный попечитель: обнародованные открытия реставраторов — подлинные национальные ценности.

Но не подумайте, что только этим выражается деятельность Российского союза в пропаганде историко-культурного достояния. Мы ведем повседневную кропотливую работу по возрождению малых городов России, каждый из которых является памятником национального градостроительного искусства. Были проведены республиканские совещания по проблемам малых городов: в 1987 году во Владимире, где мы ознакомились с практикой застройки Гороховца, Гусь-Хрустального, Юрьева-Польского и опытом работы местных советов по реконструкции, новому строительству и реставрации; в 1988 году — в Костроме, где предметом обсуждения стали Нерехта, Галич, Солигалич, Чухлома; в 1989 году — в Свердловске, участники этого совещания посетили Невьянск, Кировоград, Верхнюю Пышну, Березовский, Заречный... Вот уж поистине, что ни город, то норов, как говорит пословица.

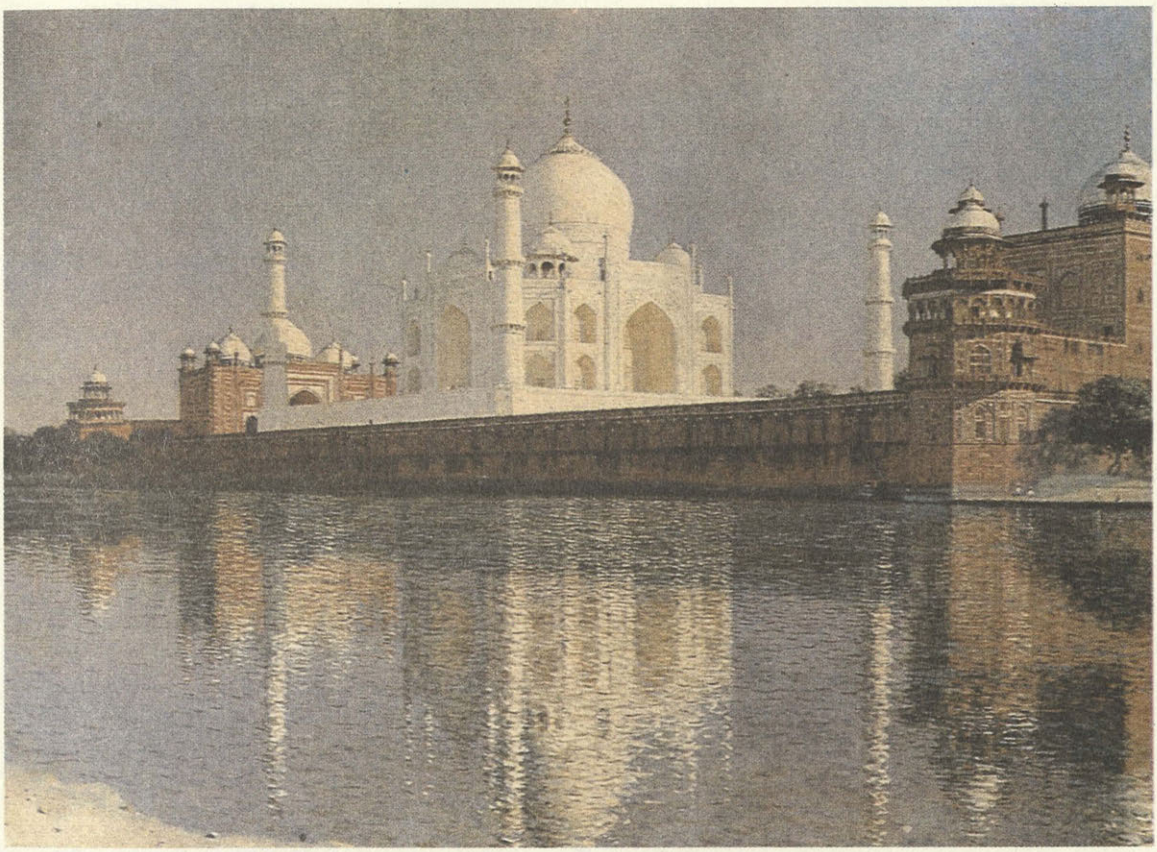
— А если норов — значит свое лицо. Неужели еще не утеряно, не стерто застройками, перестройками, зачастую просто сносом старинных зданий это самое лицо города, его своеобычие, его «норов»? Вспоминаю, в Кашине Калининской области некое номерное ведомство, буквально «оседлавшее» город, посадило свой завод в самом центре, уничтожив таким образом историческую застройку его сердцевины.

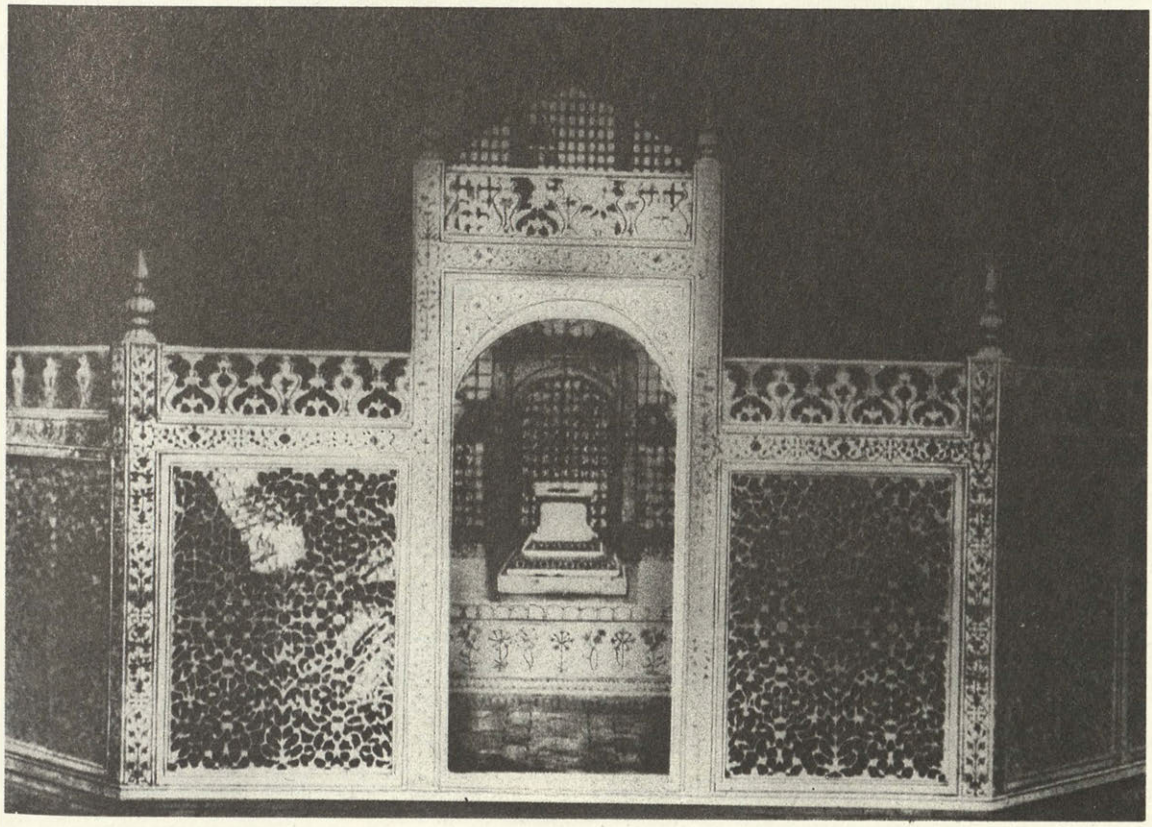
— И все-таки индивидуальность еще не утрачена, нет. Обветшавшие, запустелые, с захламленными церквами и соборами, застроенные пятиэтажками и даже высотными башнями, города эти держат свое лицо. Наша задача — помочь им. В Галиче, например, мы увидели необходимость корректировки генерального плана, решили совместно с Госстроем РСФСР провести семинар-конкурс по планировке, благоустройству и застройке города. И так после совещаний по каждому городу принимались решения.

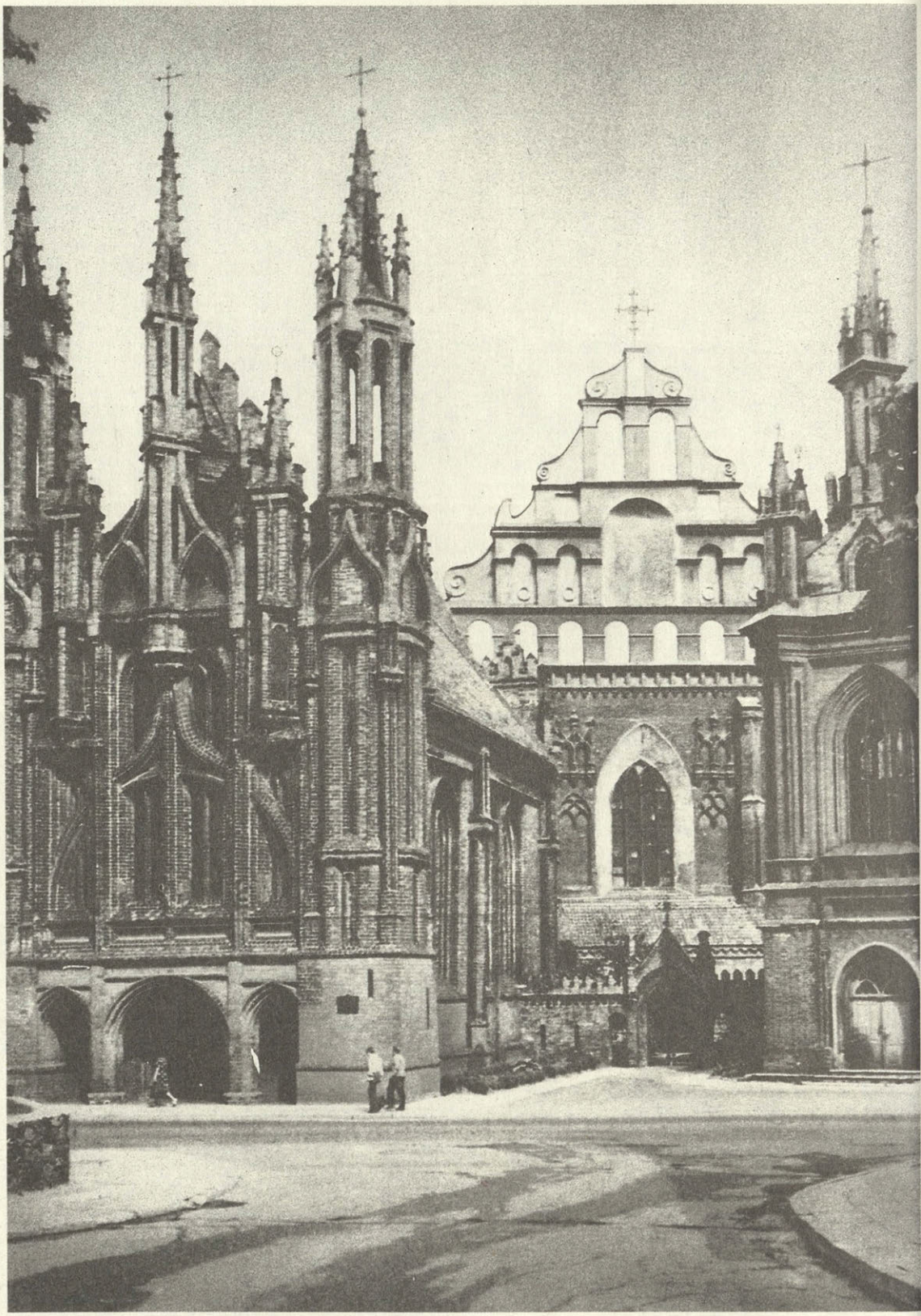
— Александр Григорьевич, больным вопросом всех городов, а в особенности малых, стали генеральные планы. Они ведь, по сути, основа города: как ему жить, развиваться, формировать свою инфраструктуру. Вы побывали в названных малых городах и, по-видимому, подробно ознакомились с этими документами. Что вы о них скажете?

— Что уж тут говорить! Совещание во Владимире показало, что генеральные планы в их нынешнем виде не способствуют органичному, комплексному развитию города. И такое положение не в одном Владимире. Они единообразны в своей основе, не учитывают развитие именно своеобразия города, обогащения сложившегося архитектурного образа. Напротив, исходя из общепринятых нормативов и типизации строительства, они ведут к нивелировке, а то и разрушению исторически сложившейся планировочной и композиционной структуры. Новое строительство повторяет приемы застройки крупных городов, масштабно не отвечает старому городу, вступает в противоречие с памятниками архитектуры, природой, бытовым укладом жизни малого города, привнося в него стандарт, убогое качество, низкий уровень благоустройства. Вместе с тем повсюду видно, какую живую ноту несет с собой старая застройка — своей гармоничностью и естественностью в природной и градостроительной ситуации. К сожалению, ее звучание в новом строительстве игнорируется.

Предвижу, вы спросите: что делать? Отвечу: менять суть отношения к малому городу. Вот картина по Свердловской области: всего городов — 44, из них 33 — малые, в них живет две трети населения области. Получается, лишая малые города внимания и заботы, мы лишаем внимания и заботы большую часть народонаселения. А ведь каждый из этих городов имеет свой вес в промышленном потенциале







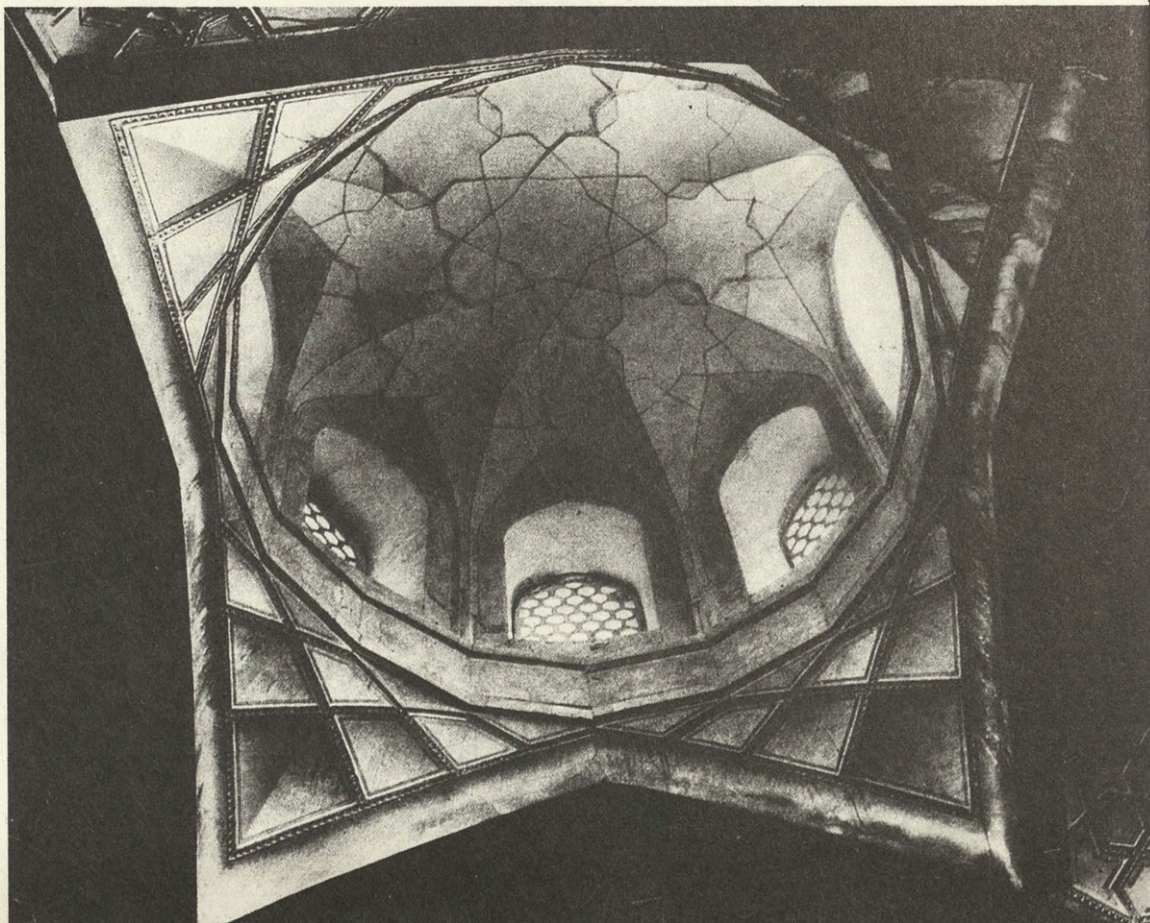
Вильнюс. Костел святой Анны (XV-XVI вв.) и костел бернардинцев

Стр. 21 — Суздаль. Успенская трапезная церковь XVI в. Спасо-Евфимиевского монастыря

Церковь святой Софии в Константинополе. Интерьер

Внутренний вид купола медресе Абдулла-Хана. XVII в. Бухара

Софийский собор в Киеве. Интерьер



Интерьер собора в Магдебурге

Церковь Сан
Миниато аль
Монте во
Флоренции.
Интерьер

страны. Один Невьянск чего стоит. Основанный в 1701 году как центр металлургического производства на Урале, он сохранил историческую застройку XVIII—XIX вв. Но сложность положения все та же — новое строительство не увязывается с исторической планировкой. Так получилось, к примеру, с новым зданием горисполкома: обкатанный стандарт административного здания внес резкий диссонанс в облик города. Словом, каждый раз в наших заключениях выступает конкретность соображений. Дает ли это результаты? Спросим о том присутствующего при нашей беседе главного архитектора города Гусь-Хрустальный Валерия Алихановича Джигкаева.

— Валерий Алиханович, ощущаете ли вы в своей работе помощь, понимание со стороны Союза архитекторов?

— В Гусь-Хрустальном я уже восемнадцать лет, пришел сразу после окончания института, вся моя жизнь архитектора связана с этим городом. Поддержку союза особенно ощутил за последние годы. Возьмите Гусь-Хрустальный. В конце прошлого века он был застроен типовыми домами, специально для него разработанными академиками Л. Бенуа и В. Покровским, которые и создали неповторимый облик Гусь-Хрустального. Дома в основном типовые, но какая в них культура архитектурного творчества, человечность образа, соразмерность городской жизни! Современная же застройка буквально убивает старый город. И я, не располагая как главный архитектор никакими правами, на протяжении многих лет ничего не мог поделать против ведомственного диктата. Сегодня положение меняется. Именно союз поставил вопрос о самостоятельности архитектора, о создании полноправных органов архитектурного управления, подотчетных народным депутатам. Нельзя забывать, что при всей сложности отношений архитекторов и властей приоритет должен остаться за градостроительным наследием.

Так что помощь нашего союза вполне ощутима, многие сложности решаются, работать стало интереснее, результаты — продуктивнее. Главное — видишь: как ты можешь служить старому городу, помочь сохранить какие-то исторические ценности, традиции. Одновременно открылся простор творчеству — союз поставил дело так, что главным архитектором города может быть только специалист, имеющий опыт градостроительства, способный сам проектировать и строить, чтобы с полным основанием мог оценить предложенный проект застройки. Все это ведет к большей ответственности, но и дает широкое поле деятельности настоящему профессионалу. По облику города судят о тебе — главном архитекторе.

Важно и другое. В союзе сегодня можно получить конкретную помощь, дельный совет по возникающим творческим проблемам. Лично я хотел бы особенно поблагодарить первого заместителя председателя правления союза Б. В. Нелюбина за постоянное внимание к Гусь-Хрустальному.

— Скажите, Валерий Алиханович, а что вы находите самым сложным и трудным в своей работе — главного архитектора малого исторического города? Что вы считаете необходимым преодолеть в первую очередь?

— Вопрос неожиданный. Но и ответ будет неожиданным. Главная беда, с которой я сталкиваюсь все годы работы,— это человеческая бездуховность. Сюда я включаю и отсутствие культуры, и равнодушие, и амбиции, незнание своего города и отсутствие к нему интереса — к его истории, прошлому, к его традициям, да просто к его облику, благоустройству. Никакие усилия творческих союзов не выправят дела, если не удастся поднять общую культуру жителей города, его руководства, если не улучшить соответствующую воспитательную работу в школах, вернее, сделать ее неформальной, естественной, с малых лет прививать человеку любовь, уважение к своему городу, знание его истории, его достопримечательностей, отучить от взгляда на свой малый город, как на «провинциальную дыру». Но для этого надо сколько всего сделать! Вот это — самое больное место.

— Александр Григорьевич, разделяете ли вы соображения своего коллеги?

— Полностью. То, о чем говорил Валерий Алиханович, сполна относится ко всем малым городам России, да и не только к ним одним. Разве Москва не испытывает того же равнодушия, диктата администраторов в отношении к ее историческим, архитектурным ценностям? Вспомним недавнюю буквально эпопею сражений, которые общественность столицы повела в защиту Лефортова от натиска технократов горисполкома с их планами прокладки скоростной транспортной магистрали в городской зоне, которая по логике понятий должна быть заповедной. И готовилось это келейно, без мнения москвичей! Куда уж недопустимей, если высокие администраторы подают своими решениями пример бездуховности, неуважения к исторической части города, и какого города — нашей древней столицы, Москвы. Или мало тех колоссальных потерь, которые понесла Москва от вандализма сталинских времен? Известно, в ФРГ судьба каждого памятника старинного зодчества, если ему что-нибудь угрожает, решается на уровне президента республики. К сожалению, прошедший Съезд народных депутатов и сессия Верховного Совета СССР за всей громадой рассматриваемых неотложных дел не коснулись острейшей государственной проблемы защиты памятников старины, ценнейшего достояния народа. Будем думать, нужное слово еще прозвучит с трибуны Съезда народных депутатов. Верю: придет это осознание, что без культуры, без духовности не выправить экономику.

Справедливости ради надо отказаться от тех «архитектурных замыслов», которые возникли в период культа личности и во времена застоя,— замыслов, которые приводили тогда к уничтожению памятников, а теперь приводят к многочисленным протестам общественности.

Нынче нужно не просто восстанавливать памятники исторического значения, здания, застройку, формирующие облик города, но и одновременно возрождать культуру исторического зрения, воспитывать в людях чувство гражданина. Чтобы это чувство истории и уважения к своему наследию, своему прошлому естественно владело сознанием каждого человека, потому что это наследие, это про-

шлое оставлено ему отцами и дедами и без него человек — перекати-поле на земле, отчего и страдает сегодня наша Россия. К пониманию этой истины нас хорошо подвинуло празднование 1000-летия введения христианства на Руси, когда все мы как бы увидели свою историю так широко и масштабно, что не могли не откликнуться душой,— знаменательный юбилей стал воистину торжеством духовности нашей истории, нашей культуры. И мы, архитекторы, можем многое сделать на пути приобщения народа к этой духовности, к осознанию достоинства человека, живущего на своей земле, на земле отцов и дедов, если будем строить дома, улицы, города, которые полюбятся людям, если вернем исторический образный строй древним городам — подлинным музеям русского градостроительного искусства, если воспитаем молодое поколение архитекторов в понимании его гражданского долга перед Россией. Российские архитекторы стремятся сегодня идти именно этой дорогой, которую я бы назвал дорогой духовного возрождения.

— Ваши мысли вполне перекликаются еще с одним международным актом. 1988 год — не только год присоединения СССР к Конвенции по охране наследия, этот год — точка отсчета другого чрезвычайно важного события — начала Всемирного десятилетия культуры, объявленного ЮНЕСКО (1988—1997), основополагающая цель которого — восстановить первостепенное значение общечеловеческих культурных ценностей в эпоху бурного развития экономики и техники — то есть признать культуру непосредственной вдохновляющей силой развития современного общества.

— Конечно, приятно сознавать, что думаешь одинаково с международной организацией. Сегодня такое уж время — мысли людей едины. Вопросы состояния, развития культуры зримо лежат на поверхности, они в равной мере стоят перед каждой страной, независимо от ее политического строя. Необходим подъем культурного уровня нашего народа, так разительно упавший в годы тоталитарного режима и застоя; в развитых капиталистических странах рост материального благосостояния оказался оторван от многих этических и эстетических ценностей. Так что путь нынешнего культурного возрождения, можно сказать,— общечеловеческий, хотя в каждой стране, в каждом конкретном случае он выступает в своей национальной окраске.

— Во все время нашего разговора, Александр Григорьевич, я обращалась к вам, как к руководителю творческого Союза архитекторов. Теперь мне хотелось бы задать вопрос иного свойства — адресовать его как зодчему, работы которого на виду общественности. Могли бы вы назвать какую-то из своих работ вкладом в дело духовного возрождения русской архитектуры?

— Не мне судить, как получилось, но сейчас я захвачен, на мой взгляд, интересной работой по Владимиру. Совместно с архитекторами О. Гридасовым и И. Столетовым сделан проект двух-трехэтажной застройки жилых кварталов в историческом центре города. Что меня здесь увлекло — создать такой тип квартала, который связал бы новую архитектуру со старой, явился бы продолжением градостроительных традиций, издавна сложившихся в этом городе.

— И завершающий вопрос. Что бы вы посоветовали молодым архитекторам, чье дарованье, будем верить, на пороге большой работы: ведь сегодняшняя молодость — это завтрашняя зрелость российской архитектуры?

— Сокровищница национальной архитектуры для них широко раскрыта. Опыт веков — великий наставник для ищущего. А вот как связать этот опыт, традиции с сегодняшним днем — скажет талант. Тогда и будет нести в себе искусство зодчего ту духовность, о которой сегодня говорим. Вспомним опять же Баженова — он хорошо об этом сказал: строить для утехи и удовольствия своего народа. А еще лучше вспомнить Н. В. Гоголя: «Архитектура — это летопись мира. Она говорит тогда, когда молчат уже и песни и предания». Эти вечные истины, так просто и наглядно высказанные нашими соотечественниками, лучше всего поясняют смысл документа, с которого мы начали нашу беседу,— великие творения прошлого должны служить человеку и народам, воспитанию идеалов Мира и Красоты.

Беседу вела Т. А. Князева

Словарь архитекторов народов СССР

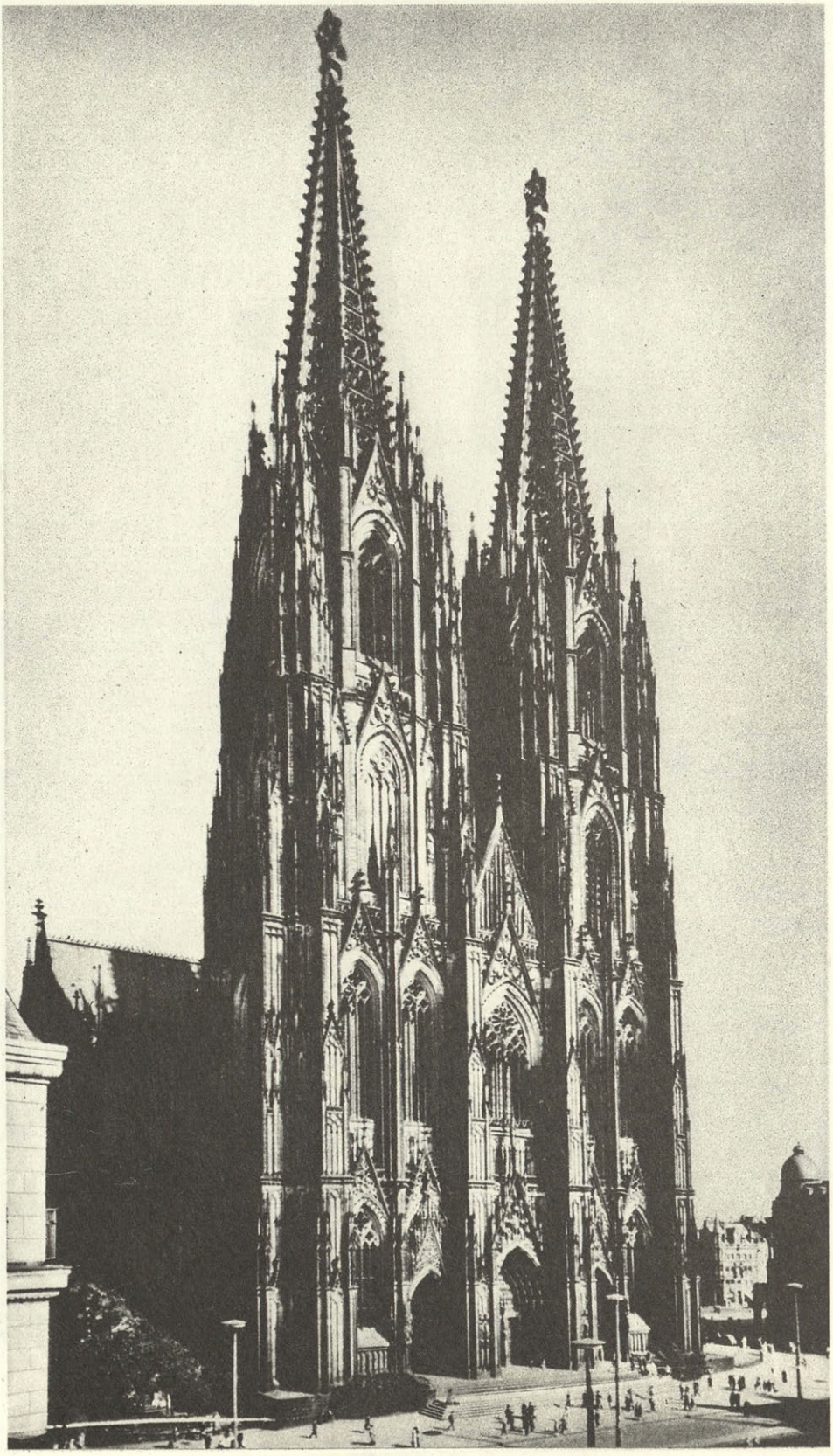
(Предлагается к изданию)

Сколько было в России архитекторов? Сколько было их в союзных республиках? Всмотреться, вдуматься — поистине необозрима панорама отечественного зодчества, идущего из глубины веков. Мы привыкли обращаться к устоявшемуся кругу имен, и тем самым едва ли не исчерпывается для нас наследие прошлого. Но в каждом городе каждое здание имеет своего создателя, именитого ли, безымянного, известного, неизвестного. Кто, к примеру, знает, что младший брат Ф. М. Достоевского — Андрей Михайлович, гражданский инженер по образованию, на протяжении тридцати лет строил в Ярославле дома, фабричные здания и в своем роде был одним из основоположников промышленной архитектуры в России? Или кому известно, что палатам бояр Романовых в Москве вернул первоначальный облик несправедливо ныне позабытый исследователь древнерусского зодчества Николай Андреевич Артлебен? А кто создавал наши удивительные города?

Так сколько же зодчих оставили по себе память? И в России, и в других республиках? Определить возможно более полный список создателей архитектурной летописи Отечества взялся Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства. Здесь в 1977 году началась работа над составлением Биографического словаря архитекторов РСФСР. Изыскания возглавил старший научный сотрудник институ-

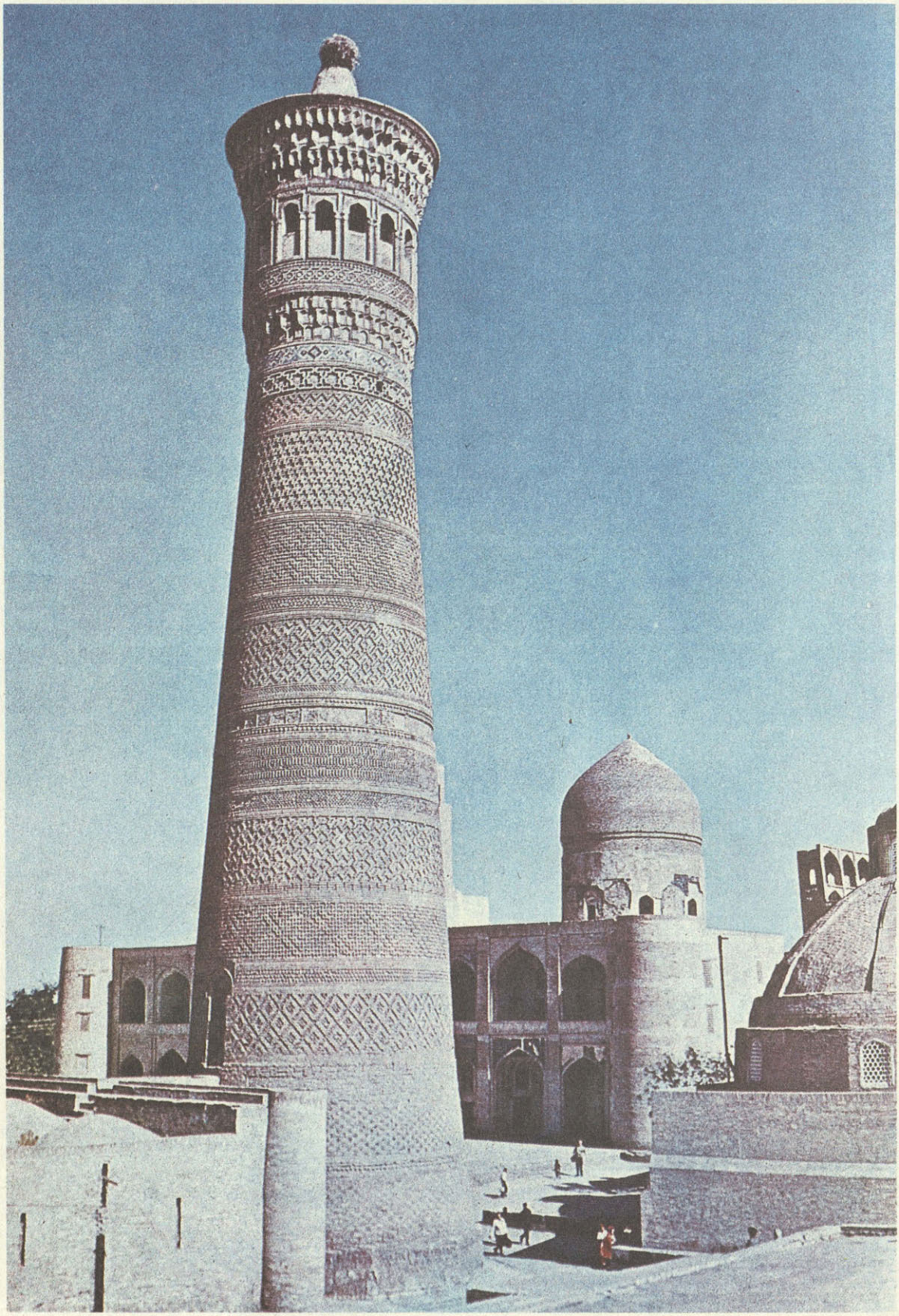
Кельн. Собор святых Апостолов. Вид с востока

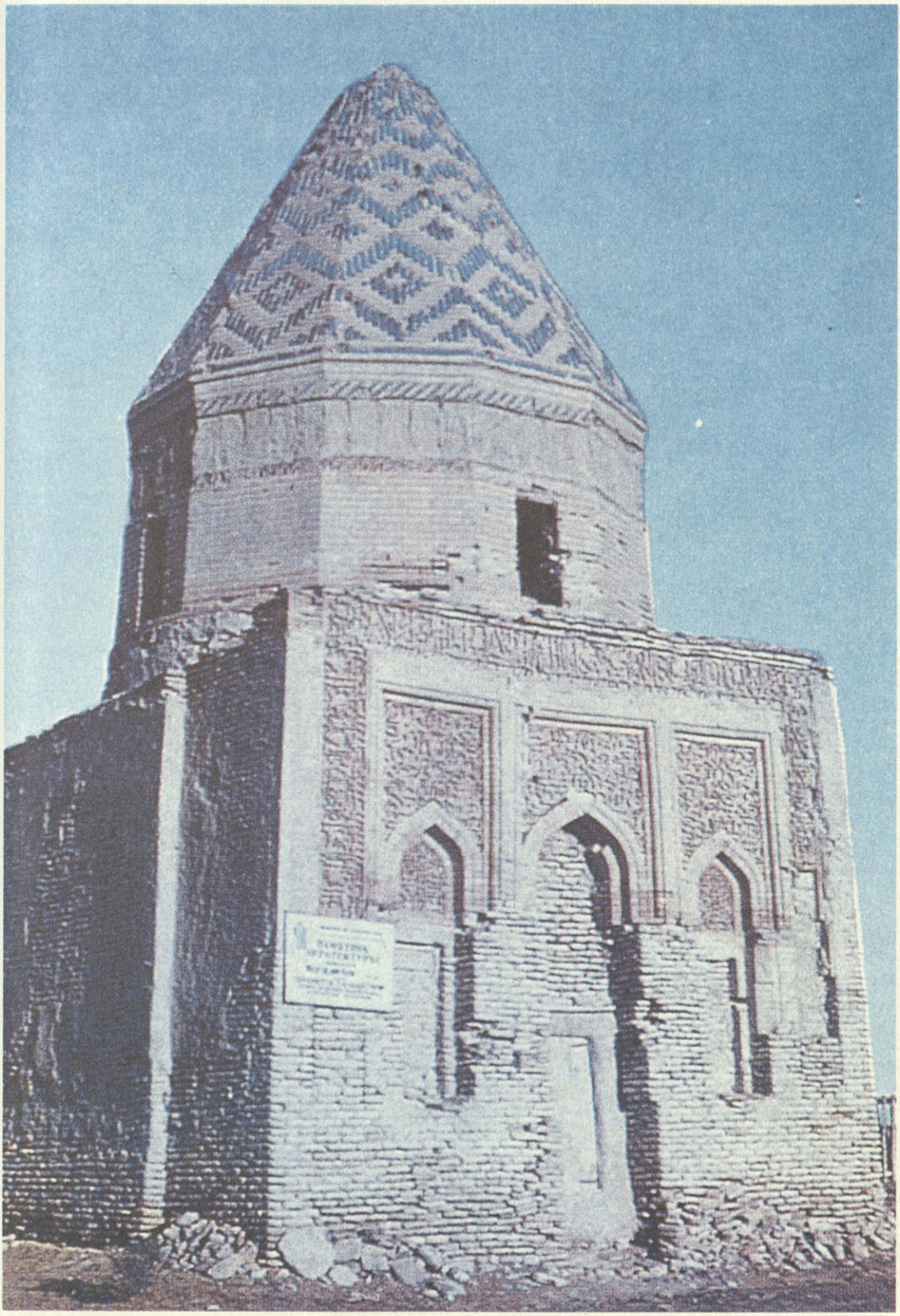
Церковь
Одигитрии
в Вязьме



Стр. 31 — храм Вознесения в Коломенском

Кельнский собор. Внешний вид





та, кандидат искусствоведения Аркадий Федорович Крашенинников. Результатом более чем десятилетней работы явилась картотека, включающая в себя свыше тридцати пяти тысяч биографий практически всех архитекторов страны, начиная с древнейших времен и до наших дней. Наиболее основательно представлены сведения о русских зодчих. И то сказать, в прошлом и в начале нынешнего века не раз предпринимались попытки подобной систематизации, но они обобщали лишь известные имена — при этом вне поля зрения оставался обширный несобранный, несистематизированный материал. Теперь же собирание в значительной доле велось, что называется, по целине: тысячи неизвестных доселе имен вошли в картотеку будущего словаря. Существенным ее достоянием стали сведения, поступившие из союзных республик, обобщенные вообще впервые, все вместе они дают многогранное представление об истории зодчества и строительства по стране.

На вопрос, как шел поиск имен, Крашенинников рассказывает, что в первую очередь были выявлены краеведы, архитекторы, писатели, историки — те, кто на местах уже вел такие изыскания, и создана широкая корреспондентская сеть. В карточке за каждым вновь найденным именем зодчего стоит его открыватель. Например, в Горьком многие имена открыл искусствовед Н. Филатов, в Калуге — архитектор А. Днепровский, в Ставрополе — Ю. Хоменко, на Урале — В. Звагельская. Вовлеченные в работу по составлению словаря, иные корреспонденты настолько увлеклись раскрывшимся перед ними материалом, что подготовили собственные местные издания. Так, в прошлом году в Воронеже журнал «Подъем» № 4 напечатал работу краеведа Н. Акиньшина «Зодчие Воронежа», а названный нами горьковчанин Н. Филатов выпустил книжку «Нижегородские зодчие XVII — начала XX вв.», а что касается республик, то с немалым интересом были встречены справочники «Архитекторы Советской Киргизии», «Строители-мастера г. Тарту с XVII до середины XIX в.», «Биографии зодчих, строивших в Риге» и др.

Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле

Предполагаемое сводное издание тем более необходимо, что на сегодняшний день даже самые фундаментальные труды по истории архитектуры опираются на творчество наиболее известных мастеров. «Возьмите,— говорит Крашенинников,— такой солидный труд, как «История русской архитектуры», и вы встретите все тот же традиционно очерченный круг имен. Понятно, конечно, это основа основ многовекового развития отечественного зодчества, но, к примеру, наша картотека показывает, что только в одной Москве перед революцией было около восьмисот успешно практиковавших архитекторов — подавляющее большинство из них впервые «проявилось» в нашей картотеке. Вот так называемый «дом Нирензее» в Большом Гнездниковском переулке, в свое время считавшийся самым высоким зданием в Москве,— что мы знаем о его создателе? А оказывается, авторству этого архитектора австрийского происхождения принадлежат еще три дома в столице.

Стр. 32—33 — Кальян-минарет. Бухара. 1127 г.

Мавзолей султана Арслана (?) Куня-Ургенч. XII в.

Интересные сведения по Ленинграду сообщила искусствовед Нонна Глинка. Она нашла и доказала, что архитектор Федор Демирцев, известный нам как автор зданий 2-го Кадетского корпуса, был учителем Андрея Воронихина. И когда шла перестройка Строгановского дворца, Воронихин как раз работал под началом Демирцева. Превращение произошло позже, когда ученик перерос своего учителя.

Очень обогатила картотеку по Грузии кандидат архитектуры Нина Левановна Асотиани. Ею найдено около пятидесяти ранее неизвестных зодчих. Среди них — мастер-строитель Шалва, живший в X веке в Картли. Его творение — церковь в монастыре Зварзия — сохранилось до нашего времени.

Вот еще пример, по Симбирску, ныне Ульяновску. Сегодня, когда историческое наследие этого города находится под угрозой новых потерь в связи со строительством крупнейшего в стране центра микроэлектроники, заводы и институты которого «садятся» как раз в заповедной части города, особенно важно знать зодчих, строивших в этом месте. Крашенинникову удалось выявить биографию одного из значительных архитекторов города — Августа Августовича Шоде. Он родился в Одессе, получил образование во Франции, по возвращении в Россию благодаря стечению обстоятельств оказался в Симбирске, где и занялся строительной практикой. Им построены здания Дворянского пансиона, музея и библиотеки имени И. А. Гончарова, две церкви — лютеранская в готическом стиле и православная (снесена), многочисленные особняки. Несомненно, зная, кто строил город, легче сохранять его облик, отстаивать те или иные дома, улицы, архитектурные комплексы.

По аналогии напомним, ныне успешно осуществляется, хотя и не без досадных задержек, издание многотомного библиографического словаря «Художники народов СССР» — тридцатилетний подвижнический труд искусствоведа, историка О. В. Вольценбурга, продолженный коллективом сотрудников Академии художеств СССР. Вот где полный свод мастеров отечественной живописи от изначальных времен до наших дней! И более того, это картина духовной жизни России и всех наших братских народов в ее специфическом преломлении — умей только читать скупые, лапидарные строки этого богатейшего справочного издания. Не так ли должен предстать нам словарь архитекторов!

Действительно, ведь сами зодчие и их творения неразрывны со временем, с историей, они — свидетели событий, выразители вкусов и общественных устремлений. В этом смысле подготовленный к изданию словарь архитекторов являет собой подлинную энциклопедию нашей истории на материале зодчества. Его читателями могут быть не только архитекторы и строители, но и историки, этнографы, археологи, каждый любознательный, кому небезразлична культура Отечества. Сегодня, когда сохранение старого зодчества общая наша забота, наша и радость, и боль, как нужен этот труд энтузиаста отечественной архитектуры! Кажется, это так ясно, но камень преткновения в том, что издатели осторожничают: нелегко браться за столь сложное дело. Даже единственное профильное издательство «Стройиздат» испугалось многотомности словаря. Но если не «Стройиздат», то кто же? Какое из издательств приступит к труду уникальному и открывательскому?

Т. А. Князева